

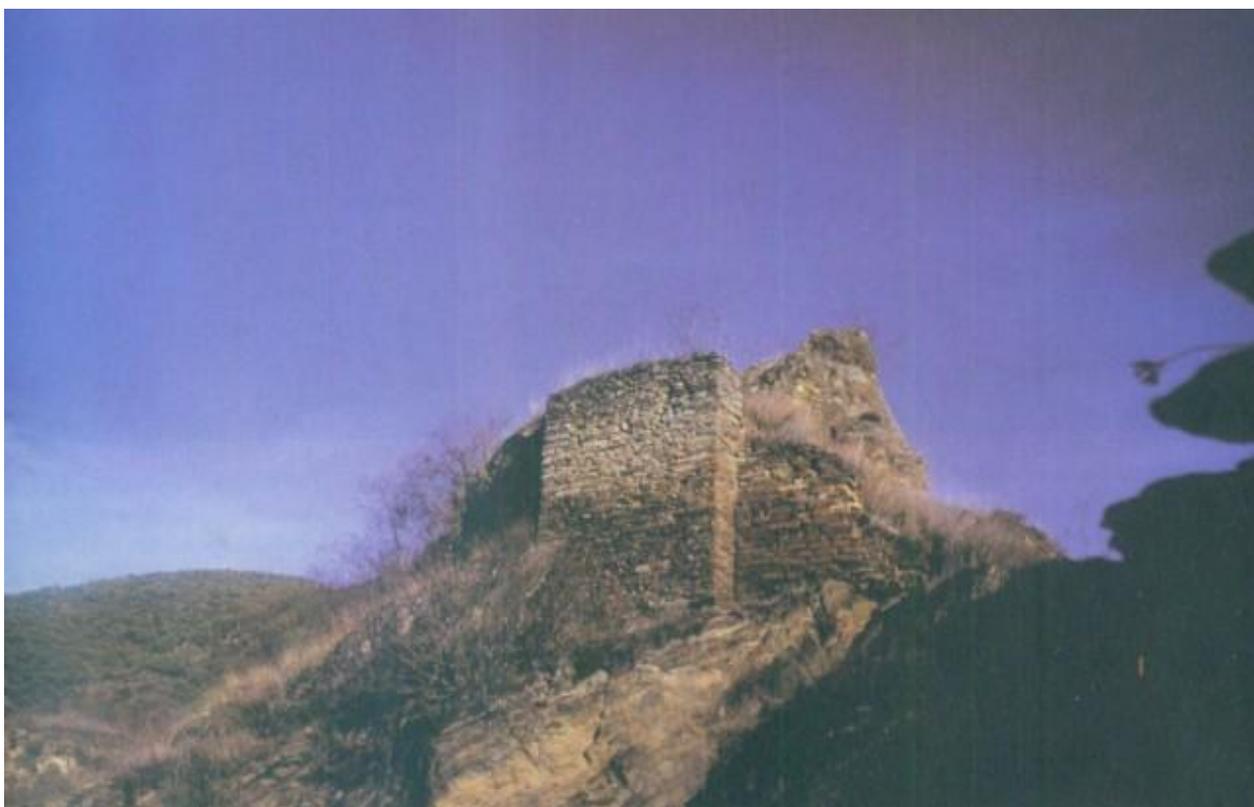
Анни Казенаве

Фотографии Жана-Луи Гаска

ЕРЕСЬ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ИЗ ТУЛУЗЕН

Пиренеи и их замки, управляемые сеньорами-сторонниками катаризма, более тридцати лет служили убежищем для беженцев с севера. До тех пор, пока Инквизиция не проникла в эти убежища...

Общая культура связала два склона Пиренейских гор как географически, так образом жизни горцев. Преобладание в экономике скотоводства и рудных разработок еще более укрепляло связи между северным и южным склонами. Мусульманское завоевание отделило христианские земли Арагона как от юга Испании – Толедо и Севильи - так и от запада – Сант-Яго-де-Компостелла. Таким образом, земли Арагона, обращенные к северным склонам Пиренеев, находились под культурным и религиозным влиянием Тулузен, и, в то же время сохраняли ярко выраженную культурную самобытность, основой которой являлся романо-визиготский субстрат, определивший тип местного феодализма.

Укрепления замка Кастельбо

Аббаты и епископы являлись одновременно светскими сеньорами. Это привело, с одной стороны, к столкновению между старым и новым видами власти, а с другой – к конфликтам между феодалами. Это напряжение, как явное, так и скрытое, стало причиной пересмотра прежних отношений между крестьянством и знатью, существовавших в обществе ранее, а также к усилению взаимообмена между двумя склонами Пиренеев и открытию новых возможностей. Таким образом, на южных склонах Пиренеев возникли условия, когда разногласия между политическим и сакральным помогли утвердиться новой Церкви, находящейся вне пределов Церкви доминирующей, и эта вера стала быстро распространяться по линиям крупных феодальных семей.

Итак, нам предстоит познакомиться с землей и людьми, сформированных этими пейзажами, а также историческими и политическими обстоятельствами позволившими распространиться там катаризму. Познакомиться с духовной атмосферой последних лет Монсегюра, бесконечными посещениями подпольщиков, являвшихся сюда в разгар преследований и возвращавшихся обратно, и, наконец, восхититься спасительной дипломатией графов де Фуа.

Вид Сьерра де Кади с предгорий испанских Пиренеев.

Земля горцев

Каталонские земли, защищенные от исламского завоевания горной грядой Сьерра де Кади, в XI-XII веках были заселены автохтонными народами, частично смешавшимися с визиготами и испанскими христианами, бежавшими с юга. Ими управляли и «вигуировали», согласно древней Романо-визиготской традиции, очень древние знатные роды (само слово «вигуйе» и его смысл происходят от латинского *vicarius*). В 922 г., когда графы Раймонд Борель Барселонский и его брат Арменгойльд I Уржейльский продавали *castrum* Сервера вигуйе Эннегу Бонфилю, в акте было написано следующее: «Мы продаем тебе наш *castrum*, называемый Сервера, с его церквями, находящимися в его границах, и их правом на десятину и первый приплод, с его башнями и скалами, домами и дворами, землями и виноградниками, и всем прочим, что в них, с лесами и рощами, горами и холмами, лугами и пастбищами, ручьями и источниками, садами и огородами, болотами и проточными водами, мельницами и каналами, возделанными и невозделанными землями, лесными и фруктовыми деревьями...» Так же как в Лангедоке, но даже и более, слово «*castrum*» означало здесь не только замок и окружающую его укрепленную деревню, но всю прилегающую территорию: долину в ее естественных границах, возможно, разделенную внутри межевыми стенами, идущими вдоль потоков и линии хребтов; и все ее материальные и духовные ресурсы, необходимыми для автономии (все церкви были приходскими).

Согласно визиготскому праву, всякий, кто распашет и будет обрабатывать землю в течение тридцати лет, делает ее своей собственностью. Земли, обрабатываемые на высокогорье (на высоте более тысячи метров), в эпоху Тысячелетия были аллодиями. Обычное право пользования лесом – *azempriu* - характеризовало этот лесной и аграрно-пастушеский тип хозяйствования. Будучи очень многочисленными, крестьяне предпочитали сопротивляться процессу закрепощения, быть бедными, но свободными, и потому горы были перенаселены.

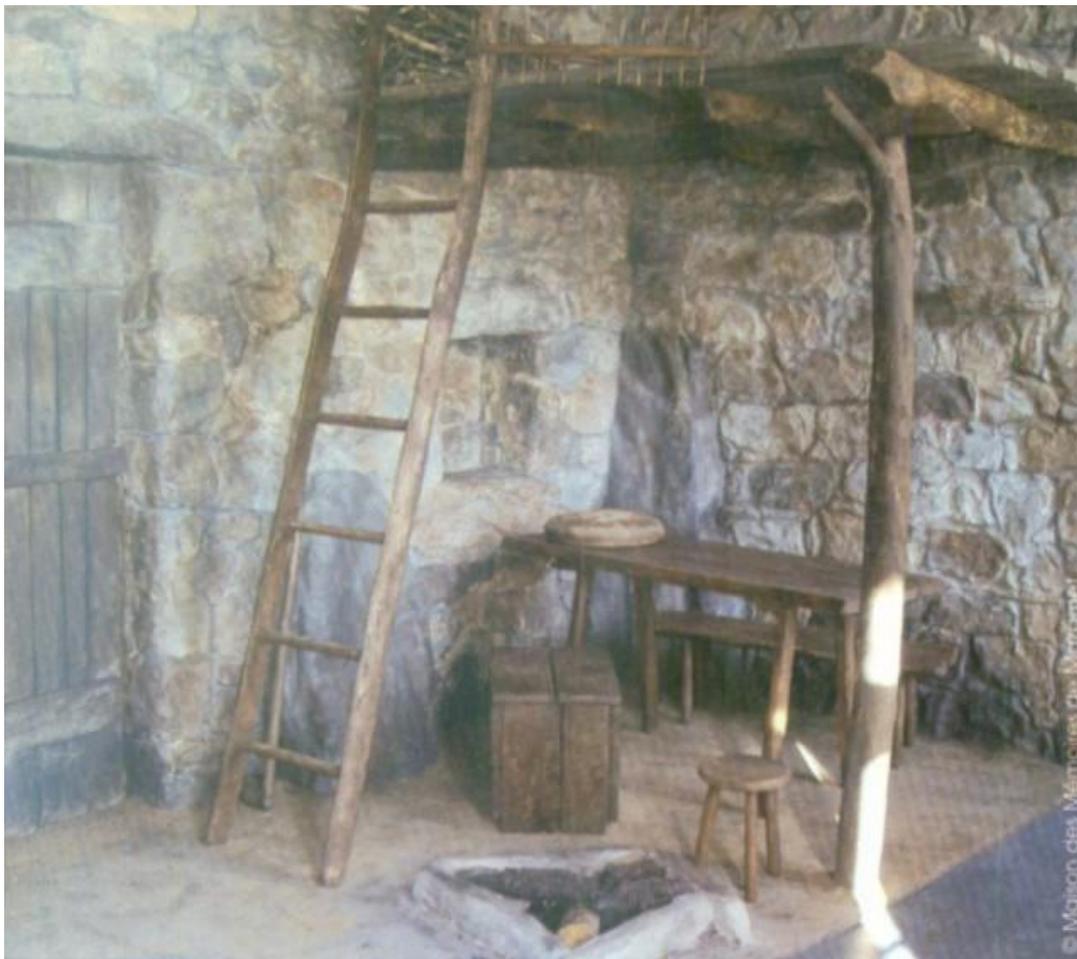
Главные торговые пути в пиренейских землях

Торговые пути пересекали Сердань. В середине XI века *via mercadal* (торговый путь) шел через Пьюморен. Купцы, платя пошлину в Иравальс, в долине Кароль или в Меренс, следовали дорогой в Тулузу, куда везли предметы роскоши из Андалусии, мусульманское или барселонское золото, а обратно – ткани из Лангедока, предназначенные для продажи на месте. В торговом обмене между двумя склонами Пиренеев соль из Кардоне попадала на солеварни в Аксе, а железо из Ранси попадало в Пальярес и Уржейль другой, тоже очень хоженной дорогой, которая шла из Викдессу через перевал Боэт в Тирвию, а затем в Кастельбо.

Кастельбо против епископа Уржейля: начало ереси?

Вместе с товарами перемещались люди, вместе с людьми – идеи. Кастельбо и Жоза были двумя главными очагами катаризма, а их сеньоры радушно принимали посланцев из Лангедока. Хватило и двух поколений для разрыва политики союза с Церковью, основанной на феодальном подчинении. В первой половине XII века территория епископства Уржейль, под юрисдикцией которого находились Уржейль, Андорра, Сердань, Пальярес, Собира и Бага, распространилась за сарацинскую границу до Лериды и по реке Льобрегат до самой Сальсоны. В то же время основные

наследственные земли крупной знатной семьи де Кабоэт находились в Верхнем Уржейле по долине реки Валира, возле Андорры.

Подписав мирный договор, Арнод де Кабоэт признал себя вассалом епископа Уржейля и получил от него в качестве фьефа долины Андорры. После его смерти епископ обеспечил себе опеку над его дочерью Арнавой, наследницей земель, согласно старому пиренейскому праву, и затем выдал ее замуж за одного из своих верных людей, который вскоре умер. В 1185 году Арнава вновь вышла замуж за Арнода де Кастельбо, сына виконта Раймонда II, умершего в том же году. Арнод унаследовал конфликт своего отца с епископом за доминирование в крае и выплату леудов^[1]. Экономические противоречия сделали соперниками два торговых города – Сиу Уржейль и Кастельбо. Арнод де Кастельбо, преемник Арнода де Кабуэта через брак, отверг прежний вассалитет, и вменил андоррцам в обязанность

оставить рынок в Сиу и ходить на рынок в Кастельбо. Он также обеспечил себе контроль над этой территорией, поставив права епископа под угрозу.

Кроме того, епископ Уржейля жил в атмосфере постоянной войны с сеньорами Жоза по поводу прав выпаса на «сулян» [2] Сьерра де Кади. А нужно заметить, что Арнава де Кабоэт и Рамон де Жоза приходились друг другу родней. Таким образом, разгорелась частная война между феодальными сеньорами, среди которых были и люди Церкви. Грегорианская реформа, обязавшая знать возратить Церкви отобранное имущество, раздражала эту самую знать, и вызвала обратный эффект в пиренейских общинах, которые вынуждены были платить десятину епископу при всем том, что они сами строили свои приходские церкви. Сверх того, епископ Уржейля обогащался благодаря накоплению в неотчуждаемый фонд благочестивых даров, с целью строительства нового кафедрального собора. Арнод де Кастельбо воспротивился этому проекту. Это только подлило масла в огонь насилия.

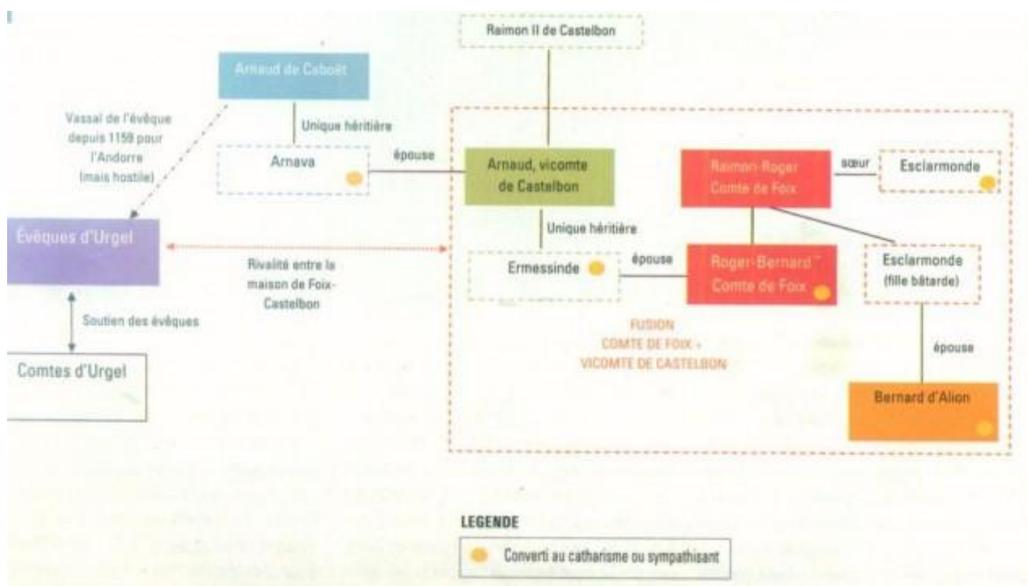
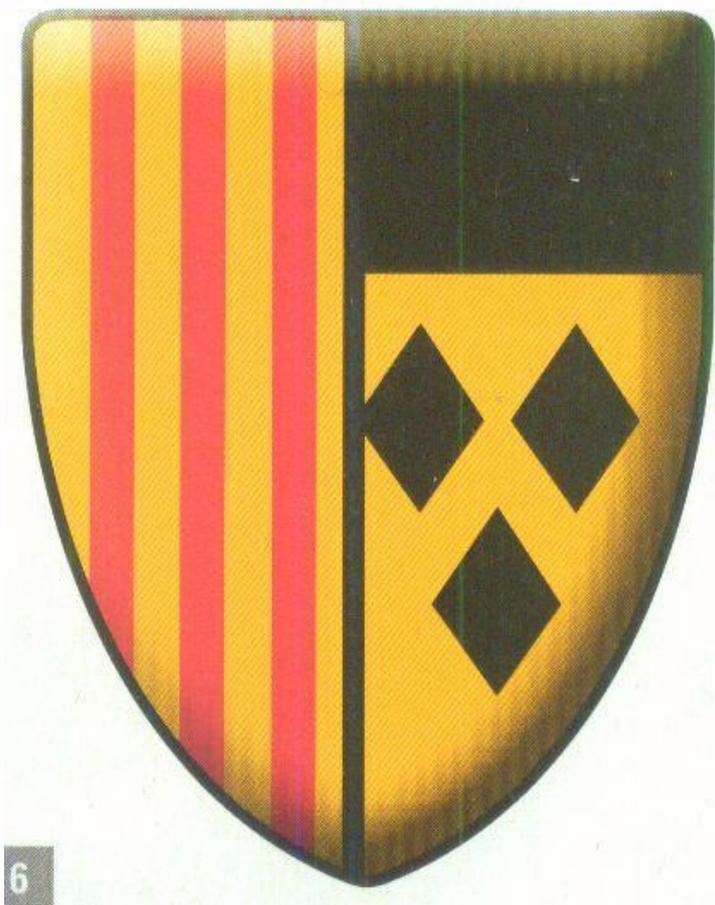

Схема стратегических матримониальных связей семей Кабоэт, Кастельбо и Фуа и их вражды с епископами Уржейля.

В 1196 году граф де Фуа Раймон Роже стал союзником Арнода, видя в этом конфликте возможность закрепиться на каталонских землях, и послал ему на помощь своих солдат. Те прошли по землям Уржейля и Сердани, принадлежащим епископу, забрали в качестве военной добычи культовые предметы, и разграбили только что построенный кафедральный собор Уржейля. Церковные хронисты, возмущенные таким святотатством, обвиняли графа де Фуа в том, что он позволил так себя вести солдатам, потому что сам был еретиком.

Питал ли Арнод де Кастельбо некое особенное отвращение к людям Церкви? жаждал ли отвергнуть систему, которую они собой воплощали? Заставила ли его борьба за собственные интересы задуматься о вопросах веры? В любом случае, возможно, из протеста, он стал катарским верующим.

Герб дома Фуа-Кастельбо

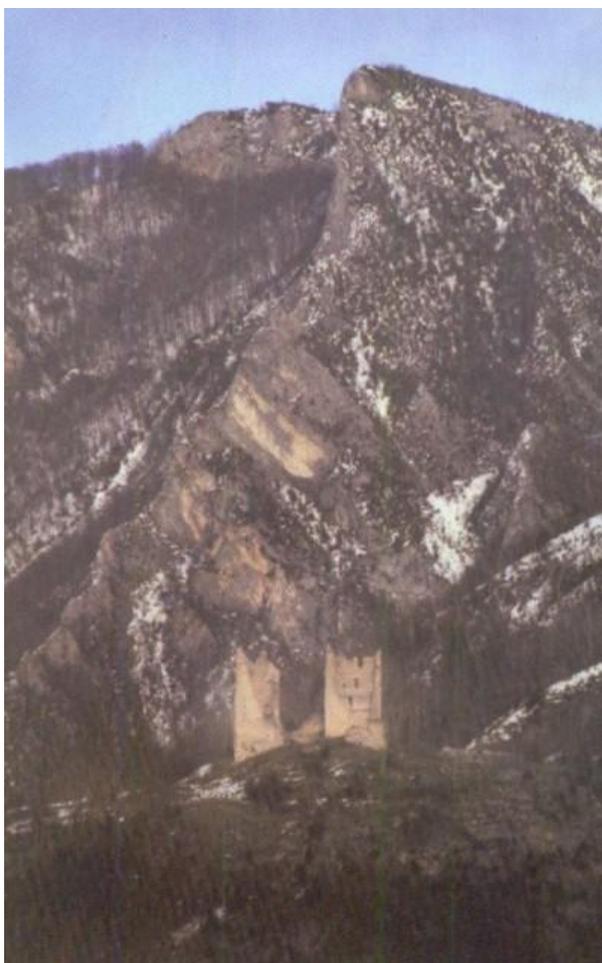
И его дочь Эрмессенда также. Несмотря на запрет епископа Уржейля Бернарда де Виллемура и графа Уржейля Эрменголя VIII, Раймон-Роже де Фуа смог-таки женить своего сына Роже Бернара на Эрмессенде (1208). Благодаря этому браку, после смерти Арнода в 1226 году, граф де Фуа сделался виконтом де Кастельбо. После смерти графа Уржейля подозрительный король Арагона купил нейтралитет графа, отдав ему в 1208 году Доннезан и Капсир, конфискованный у бунтарского вассала Берната д'Алиона. Позже семья д'Алион вернула себе права на эти земли, поскольку Бернат д'Алион женился на наследнице этих прав Эксклармонде, дочери графа Раймона Роже де Фуа. Заметим, что в середине XIII века в замке д'Алион крестьяне принимали группу беглых Совершенных в «орри» на пастбищах над Праде. Как и когда они стали верующими? Около 1230 года Бернат д'Алион принимал в Уссоне Совершенных, направлявшихся в верхний Арьеж и пришедших от Ниортов, а также его кузенов из Монсегюра.

Южные склоны Пиренеев: земля радушиного приема...

При дворе Кастельбо окситанцы и каталонцы слушали проповеди о катарской вере в зале замка или на площади *castrum*. Община была достаточно крупной, и даже имела своего диакона. По решению подпольного собора в Пьес в 1226 году Гийом Клерг стал диаконом в Дюне (Арьеж), а Пере де Корона – диаконом Каталонии; в 1240 году этот последний был диаконом Кастельбо. На виконтство тогда распространялась юрисдикция катарского епископа Тулузы.

Южные склоны Пиренеев во времена антикатарского похода все еще оставались прибежищем мира. Изарн де Кастельон и Бернар Баталья умерли, получив *утешение*. Знать из окружения виконта, - Раймонд Санс де Рабат, Рожер де Бузиньяк, Арнод де Миглос и бальи Тараскона Пьер де Гаррабет вместе с виконтом слушали проповеди катарского клира. Тулузанка Диас де Дейм свидетельствовала, что, следуя за своей госпожой Эрмессендой, в 1224 году она видела, как ее госпожа слушала еретиков и преклоняла перед ними

колени. Завещание графини, написанное 28 января 1230 года, тоже свидетельствует о ее вере: вместо обычных благочестивых обращений к Христу, Деве Марии и всем святым, оно начинается с интересной преамбулы: «Поскольку никто, помещенный в плоть, не может избежать смерти...». Она перечисляет в завещании всех наследников, исключительно светских лиц, и отдает тело и душу всемогущему Богу и Иерусалимскому госпиталю, а также завещает похоронить себя в приорате госпитальеров Санта Мария де Костойя, основанном ее отцом возле Кастельбо. Она не завещала никаких даров Церкви и не заказала заупокойных месс.

ЗамокМиглос

В Жоза, Сьерра де Кади, жили в той же атмосфере свободы. Раймон де Жоза, будучи примиренным с Церковью в юности, в 1214 году, вновь отрекался от ереси еще и в 1238 году; однако он до самой смерти продолжал

защищать «еретиков» на своих землях. В 1232 г. Пере де Корона проповедовал в его замке в его присутствии. В Берга, в Сервера, в Льейда катарская вера распространялась от города в камарку[3].

До вмешательства Инквизиции

Инквизиция, установленная в 1235 году, гнала лангедокцев в Кастельбо, и это очень раздражало епископа Уржейля, особенно в связи с тем, что граф де Фуа строил башни и донжоны напротив его собственных, и даже возвел замок, предназначенный для защиты доступа в долины Андорры. В 1237 году епископ созвал провинциальный собор в Льейда и отлучил графа Роже-Берната, обязав того пустить Инквизицию на территорию виконтства. 27 мая 1237 года прокурор Церкви Таррагоны приказал графу де Фуа отдать город и виконтство Кастельбо инквизиторам. Те осудили сорок пять человек, разрушили два дома, вырыли и сожгли кости восемнадцати покойников. 15 человек осудили заочно – среди них были Пьер де Манс и Жоан из долин Андорры. Но последние перешли перевалы и бежали на северные склоны. Горы пока что служили убежищем.

Эти переходы с одного склона Пиренеев на другой известны нам благодаря свидетельствам двух каталонцев, получивших утешение в Монсегюре из рук епископа Бертрана Марти: Гийома Тардьо из Гальолы, схваченного в январе 1243 года, и второго – Арнода де Бретоса, пойманного по дороге в Ломбардию во время Великого Поста 1244 года. Их показания очень ценны тем, что остальные следственные протоколы каталонской Инквизиции пропали. Оба свидетеля дают более подробные и верные показания о повседневной жизни непокорного замка, чем полученные от тех пленников, которые после падения и костра Монсегюра были подавлены страхом и думали лишь о своей судьбе. Их рассказы освещают для нас роль Монсегюра в общении между верующими по обе стороны Пиренеев. Эта цитадель была не изолированной на скале крепостью, а представляла собой деревню, где жили двести или триста человек, которые молились и

практиковали свою веру, покупали провизию и оружие – зерно из Лаурагес, а оливковое масло и оружие из Сабартес.

Замок Тараскон-на-Арьеже

Гийом Тардью был «наставлен» в своей деревне окситанским совершенным Раймондом Гийомом. Вместе они отправились в Монсегюр, где Раймон представил его катарскому епископу Бертрану Марти, который доверил его обучение Гийому Видалю. Гийом Тардью провел у Гийома Видаля год, молясь утром и вечером. Очень часто они слушали проповедь епископа в доме, специально предназначенном для этой цели. Бертран Марти также принимал посетителей, приходивших по двое или по трое, чтобы встретиться с ним. В начале каждой трапезы, перед приемом пищи, совершенные благословляли хлеб, который ели. Гийом описывает катарскую общину, которая все еще существовала на то время, когда он давал показания, общину, где все еще жили его бывшие товарищи. Таким образом, его рассказ

должен был представлять особый интерес с точки зрения инквизиторов.

Потому они воспроизвели его без сокращений, разве что переведя на свой юридический язык церемонию *consolament*.

Между 1243 и Великим Постом 1244 г. Арнод де Бретос и один из его товарищей отправились в Сабартес – а именно, в Шатоверден, Астон и Рабат. В Шатовердене они жили в течение пяти месяцев у Михеля и его *amasia*^[4] Эрменгарды, с тремя другими совершенными. Он провел и сентябрь в Шатовердене, в доме Фора. Затем они месяц провели в Астоне, у Бернарда Раймонда и его жены. Там они встретились с еще четырьмя совершенными: Бернаром Регатом, Раймондом Бернаром, Валентом и Гийомом Вакюе. На праздник Всех Святых они вернулись в Шатоверден, в дом Форессы, *amasia* Пьера Маури, где встретили своих старых товарищей.

Он рассказывает о своем пребывании там: «Мы кормились за свой счет, а эта Форесса подавала нам, что могла». Верующие приходили видеться с ними – Гийом Берингер, Пьер Фор, Пьер Арнод и «мужчина, которого называли Гаск, и он брил нам бороды». Потом они на два дня вернулись в Рабат, где встретились с пятью другими совершенными. Скорее всего, их собрало вместе событие, о котором он ничего не говорит, но которое произошло в этот день: падение Монсегюра. Семеро людей, поставленных вне закона, понимали, что им грозит опасность, и должны были посоветоваться. Четверо из них решили отправиться в Ломбардию. Арнод и его товарищ были арестованы по дороге, а двое других – Аймерик и Раймонд Мэстр – пошли своим путем.

Организация солидарности

Арнод в целом называет имена шестнадцати совершенных, каталонцев и окситанцев, и пять адресов, что говорит о целой организации и многочисленных участниках. Ту же ситуацию, и в то же время, мы видим в замке Монфор, возле Сореза, что тоже свидетельствует о разветвленной

организации, дававшей возможность подпольщикам укрываться в безопасных местах.

Но кроме того, нужно было и кормить беглецов, а где взять деньги? Известно, что арендатор земли Бертран де Конгост брал расходы на нужды Гийома Тардью из имущества своего хозяина, и что верующие делали пожертвования натурой – мукой, фруктами, рыбой. Но это происходило от случая к случаю. Что же до повседневной жизни, то Арнод уточняет: «Я и другие совершенные ели из собственных расходов, предназначенных для нашего стола». Фактически, они предпочитали сами готовить себе еду в отдельных котелках, где никогда не бывало никакого недозволенного жира. Бланш де Роде, племянница и кузина Отье, у которой они прятались в Тарасконе, свидетельствует, что ее муж покупал для них на их деньги необходимую провизию, и что три дня в неделю – понедельник, среду и пятницу – они постились на хлебе и воде. В другие дни они ели хлеб, вино, рыбу и фрукты, но никогда не ели ни мяса, ни яиц, ни сыра, «и у них были *ули* (миски), из которых никто, кроме них, не ел, и никто не ел за их столом».

Протоколы Инквизиции содержат много невысказанного. Секретарь суда использует только ту информацию, которая нужна следствию. «Еретики» - всегда по двое, согласно своему обычаю, перемещаются с эскортом, который их защищает, проводит и обеспечивает им прием в дружеских домах, хотя часто и у незнакомых людей. Некоторые из этих домов являются просто перевалочными пунктами: некий Раймонд де Гайлярд возил еретиков в Монтобан на лодке и отвозил от них письма адресатам. Другие люди были связными, хранителями денег и паролей, как, например, Стефан и Гийом Донати, совладельцы Монгайлярда в Лаурагес и фаидиты. Раймонд Жан де Абиа, допрашиваемый 18 февраля 1238 года, признается в том, что в течение восемнадцати лет был *nuntius* (посланником), переходя на службу от одного диакона к другому в течение путешествий последних. После собора в Пьесс он оказался в компании каталонцев и провел с ними

некоторое время на горе Сиураха. Вернувшись в Лантарес, он даже получил *consolament*. Его показания выявляют всю сложную сеть дорог, связанных точек и адресов: таким образом, община была многочисленной и хорошо организованной. Но в 1246 г. Сабартес больше не является безопасным убежищем. Община рассеивается. Надежда все еще живет в Ломбардии, куда эмигрируют счастливики. В XIV веке малая отара изгнанников в Каталонии с надеждой смотрит на Тирвию, указанную предателем, находящуюся на земле графа де Фуа, и почти вся попадает в лапы епископа Памье. Тогда же загорается и последний костер.

[1] Сеньоральный налог на иностранных купцов.

[2] Пиренейский географический термин, означающий горные террасы, выдвинутые к югу, где больше солнца.

[3] Камарка - земля, в культурном и географическом смысле окружавшая город.

[4] Amasia - возлюбленная, подруга.